

PALMER A. THROOP. CRITICISM OF THE CRUSADE. A STUDY OF PUBLIC OPINION AND CRUSADE PROPAGANDA.

N. V. Swets and Zeitlinger. Amsterdam, 1940.

Крестовые походы, создавшие совершенно новые условия во взаимоотношениях между средневековыми Востоком и Западом, всегда привлекали большое внимание исследователей. Вокруг них была создана огромная научная литература. В этой литературе значительное место занимали труды, посвященные так называемому вопросу о „направлении четвертого крестового похода“. В решении этого вопроса были созданы две основные теории. По одной из них направление четвертого крестового похода, закончившегося завоеванием Константинополя и образованием Латинской империи, было заранее предрешено. Противоположная теория стремилась доказать, что это направление похода было вызвано случайными факторами, выявившимися в процессе самого похода. В русской исторической литературе обстоятельный обзор литературы по этому вопросу был дан в работе П. Митрофанова,¹ а также в работе Ф. И. Успенского о крестовых походах.² К обзору научной дискуссии по этому вопросу возвращался и А. А. Васильев.³ В иностранной литературе обзор трудов, посвященных этой проблеме, составил Герланд,⁴ рассмотревший теории Гопфа, Мас-Латри, Риана, Штрейта, Тессье, Нордена и других буржуазных исследователей, занимавшихся этой проблемой.

Изучая историю крестовых походов, буржуазные ученые исследовали политические, экономические, военные и особенно религиозные причины этого движения, охватившего Европу в XI—XIII вв. Почти совсем вне поля зрения историков оставалась общественно-политическая идеология этой бурной эпохи. Между тем, как правильно замечает автор рецензируемой книги, „общественное мнение“ этой эпохи не могло не реагировать на это величайшее движение средневековья. Автор поставил перед собой трудную задачу. Трудности эти заключаются в том, что весьма нелегко найти источники, позволяющие контролировать проявления общественного настроения по отношению к крестовым походам. Выражение общественного мнения можно частично усмотреть в местной народной литературе на старофранцузском, провансальском языках и среднегерманском наречии, а также в обширной церковной литературе. По этим источникам автор предпринял исследование, целью которого было проследить стремление папства поднять Европу на „священную войну“ и антикрестоносное движение в общественном мнении европейских народов, которое, как считает автор, в конце концов расстроило планы папства.

Уже при рассмотрении основных причин крестовых походов, которые автор излагает в первой главе, явственно выступает его идеалистическая позиция в анализе этих причин, совершенно неприемлемая для марксистской исторической науки. Историк-марксист не может согласиться с точкой зрения автора, что „в течение всех крестовых походов папство было и в политическом и в интеллектуальном отношении верховным арбитром“ (стр. 3). В этом положении автор присоединяется к взгляду Люшера, высказанному им в его монографии об Иннокентии III.⁵

¹ П. Митрофанов. Изменение в направлении четвертого крестового похода. Вяз. Врем. IV (1897), вып. 3—4, стр. 461—523.

² Ф. И. Успенский. История крестовых походов. СПб., 1901, стр. 99—112.

³ А. А. Васильев. Histoire de l'empire byzantin, t. II. Paris, 1932, pp. 104 ss.

⁴ E. Gerland. Der vierte Kreuzzug und seine Probleme. — Neue Jahrb. f. das klass. Alt. XIII (1904), SS. 505—514.

⁵ A. Luchaire. Innocent III: la question d'Orient. Paris, 1907.

Во второй главе („Independent criticism“) автор рассматривает основные линии пропаганды против крестовых походов. Главным мотивом этой пропаганды было то, что вместо первоначально прокламированной борьбы с мусульманским миром, провозглашенной в качестве цели крестовых походов, папство уже вскоре начало использовать крестовые походы в своих внешнеполитических целях, предпринимая войны против христианских государств. Этот мотив, как показали некоторые историки,⁶ звучал уже в XI в. и получил особое распространение в литературе XIII в., когда народным массам различных европейских стран были уже широко известны многочисленные неудачи руководителей крестоносных ополчений. В это время получают большое распространение народные поэтические произведения, содержащие резкие нападки на организаторов крестовых походов и разоблачающие их истинные цели. В ряду этих произведений особое место занимают провансальские *sirventes*, рассчитанные на широкую аудиторию. Это были в большинстве случаев полемические произведения, затрагивавшие злободневные политические вопросы и часто написанные по заказу крупных феодалов либо отдельных политических групп. С этой точки зрения они представляют большой интерес как исторический источник. Одним из первых произведений этого рода являются *sirventes* провансальского трубадура Giraut de Bornelh конца XII в. Они были вызваны потерей Иерусалима в 1187 г. и пассивной позицией папы Григория VIII перед лицом этого поражения.⁷ Автор собрал интересный материал о борьбе папской курии против подобных выступлений. Он показал, что подобные антипапские песни трубадуров преследовались инквизицией. Так, например, горожанин Тулузы Бернард Раймон Баранон был осужден инквизицией за публичное исполнение *sirventes* Guillem Figueira против папства. Некий Guyot de Provins, клюнийский монах, написал на старофранцузском языке сатиру на церковь, известную под именем La Bible. В этой сатире он обвинял папство в корыстных целях при организации крестовых походов и объяснял, что именно эта причина вызывает походы исключительно против Византии, а не против мусульман. Значение выступления Figueira с его *sirventes* станет более понятным, если учесть, что они были написаны в Тулузе в 1229 г., когда город был осажден крестоносным ополчением, посланным папой Григорием IX (1227—1241) против альбигойцев.⁸ Ценным является также материал источников, показывающий, что при организации четвертого крестового похода, закончившегося разгромом Византии, папство знало заранее направление похода и оправдывало его борьбой против „греков-схизматиков“.

Третья глава рецензируемой книги посвящена интересному собранию, составленному францисканцем Gilbert de Tournay и известному под названием *Collectio de scandalis ecclesiae*,⁹ а также некоторым более мелким произведениям отдельных трубадуров, направленным против крестовых походов, вместо мусульманских стран направлявшихся в Византию, привлекавшую крестоносцев своими богатствами. В этих

⁶ См., например, Carl Erdmann. Die Entstehung des Kreuzzugsgedankens (Forschungen zur Kirchen- und Geistesgeschichte VI). Stuttgart, 1935; Carl Mirbt. Die Publizistik im Zeitalter Gregors VII. Leipzig, 1894.

⁷ См. также A. Kolsen. Sämtliche Lieder des Trubadours Giraut de Bornelh. Halle, 1935.

⁸ V. de Bartholomaeis. Poesie provenzali storiche relative all'Italia. — Istituto storico Italiano; fonti per la storia d'Italia, scrittori secoli XII—XIII, LXXII. Roma, 1931.

⁹ Archivum Franciscanum Historicum, XXIV (1931), pp. 33—62, ed. A. Stroick.

документах проглядывает угрюмая ненависть против церковной десятины, средства которой шли на организацию крестовых походов, презрительное недоверие к знати, враждебность народных масс по отношению к папской политике; все это, по мнению автора, вызывало постепенный спад волны крестоносных предприятий во всей Европе.

Значительный интерес представляет рассмотренная автором докладная записка ольмюцского епископа Бруно папе Григорию X (1271—1276), содержащая сведения об отношениях славянских стран с папством и империей. В этой записке Бруно предстает как защитник интересов чешского короля Пржемысла Оттокара II (1253—1278), стремившегося с помощью папства получить императорский престол. Выступая против походов в отдаленные страны против мусульман, в которых крестоносные ополчения потерпели ряд серьезных неудач, Бруно настаивает на необходимости походов против „варварских“ народов Венгрии, Руси, Литвы, Пруссии, где, по его мнению, следовало привести к покорности и обратить в христианство существовавшие еще „многочисленные языческие племена“. Автор обнаруживает здесь (стр. 107) излишнюю доверчивость к этому интересному источнику. Ссылка на „языческие племена“, которых в это время уже не могло быть в перечисленных странах, естественно, была лишь дипломатическим приемом, имевшим целью убедить Григория X изменить политику в организации крестовых походов. Записка Бруно интересна также тем, что в ней содержится правильная оценка деятельности тевтонского ордена. Автор напоминает, что мнение епископа Бруно совпадает с характеристикой Рожера Бекона, который в 1268 г., за несколько лет до записки Бруно, писал, что христианизация в Пруссии и других северных странах затрудняется деятельностью тевтонского ордена. По словам Бекона, „собратья германского императорского дома (тевтонские рыцари) разрушают все надежды на обращение своими постоянными войнами, имеющими целью стремление к господству. Нет сомнения, что все варварские племена возле Германии давно были бы обращены, если бы не жестокость собратьев германского дома, так как языческие племена всегда готовы принять (христианскую) веру мирным путем посредством проповеди. Но люди из германского дома мешают этому, стремясь покорить их и привести в рабство, наряду с этим обманывая римскую церковь своими уговорами“.¹⁰

Другим документом, обращенным к папе Григорию X, был трактат доминиканского монаха из Акры Вильгельма Триполийского *De statu Saracenorum*. В этом трактате его автор показал себя большим знатоком мусульманского мира, хорошо знавшим арабский язык. Его основной идеей была та, что для отвоевания священной земли нужны не вооруженные крестоносные ополчения, а сотни и тысячи миссионеров. Он излагает историю Магомета, арабских завоеваний. Отмечая, что магометанская религия составлена из элементов иудаизма и христианства, Вильгельм Триполийский доказывал легкость обращения „неверных“ в христианскую веру. В этом разделе автор рецензируемой книги показывает деятельность ряда других проповедников мирного завоевания мусульман путем их обращения в христианство: *Tacques de Vitry, Guillem Daspol, Raymon Pennafort, Ricoldus de Monte Crucis, Raymond Lull, Giraut Riquier, Pamon de Cornet* и других миссионеров францисканского и доминиканского орденов.

¹⁰ Roger Bacon. *Opus majus*, p. III, cap. 13, ed. T. H. Bridges. Oxford, 1900; III, pp. 120—122.

Пропаганду мирного обращения мусульман вели также греческие миссионеры из Византии и марониты, как свидетельствует Tacques de Vitry.¹¹

Наиболее интересным документом, в котором наиболее полно исследованы причины пропаганды против крестовых походов, является трактат Humbert de Romans, известный под названием *Opus tripartitum*.¹² Автор этого трактата занимал выдающееся положение в доминиканском ордене, с 1254 по 1263 г. он был магистром ордена. Его трактат переключается с дошедшими до нас песнями трубадуров, таких, как Montaudon, Peire Cardenal, Raimbaut de Vaquieras, Floquet de Marseille, творчество которых относится ко времени четвертого крестового похода, когда крестоносцы на 57 лет прервали течение византийской истории, основав Латинскую империю.

Известно, что страх заморского похода напугал многих крестоносцев, которые перед отправкой из Зары покинули ряды ополчения. Трубадуры Bertran d'Alamanon, Sordello и особенно Gauclem Faidit в своей песне *Del gran golfe de mar* отчетливо выразили эту боязнь морских передвижений. Нас интересует здесь тот факт, что эта боязнь морских походов, как показывает автор рецензируемой книги, широко использовалась теми деятелями, которые вели пропаганду против крестовых походов. В этой пропаганде использовались также мотивы любви к родине, нежелание оставлять родные места, семьи.¹³

В своей книге автор рассматривает попытку папства возродить идею крестовых походов, которая была предпринята на Лионском соборе 1274 г. Известно, что это время совпадает со стремлением Михаила VIII Палеолога снова пустить в оборот предложение о церковной унии между западной и восточной церквями, уже часто служившей одним из самых излюбленных тактических приемов византийской дипломатии. Византийский император обещал всемерную помощь крестоносцам для отвоевания св. земли — продовольствие, деньги и даже армию. Тем не менее меры, направленные к организации нового крестового похода, потерпели крушение, несмотря на энергичную деятельность, развитую папой Григорием X (1271—1276). В его пропаганде широко использовалась литература, вышедшая из-под пера защитников идеи крестовых походов, в частности *Historia Universalis*, в предисловии к которой ее автор Tacques de Vitry излагает историю крестовых походов и заявляет, что его книга будет служить крестоносцам для укрепления веры в правоту их дела. Использовались также многочисленные в то время предсказания о великом вожде, который явится, чтобы спасти святую землю, или даже о воскрешении выдающихся государей средневековья — Карла Великого, Фридриха Барбароссы или кого-либо другого, которые станут во главе крестоносного ополчения.¹⁴

Но деятельность Григория X, которая, казалось, на первых порах обещала большие успехи, обречена была на провал: крестоносное движение шло к своему упадку и не могло быть восстановлено никакой

¹¹ Tacques de Vitry. *Epistola*, ed R. Röhrich. *Ztsch. f. Kirchengesch.*, XIV (1894), 117—118.

¹² Mansi. S. C. C. XXIV, cols 109—132; *Consilia omnia tam generalia, quam particularia*, ed. Crabbe. Köln, 1551; E. Brown. *Appendix ad fasciculum rerum expendarum et futendarum*, ab Orthuino Gratio... editus, sive tomus secundus scriptorum veterum. London, 1690.

¹³ См. особенно Н. Schindler. *Die Kreuzzüge in der [altprovenzalischen und mittelhochdeutschen] Lyrik*. Dresden, 1889.

¹⁴ F. Kampers. *Die deutsche Kaiseridee in Prophetie und Saga*. München, 1895.

самой активной пропагандой. Автор рецензируемой книги объясняет безуспешность этой пропаганды борьбой между европейскими государствами, трудностью привлечь достаточные для крестоносного ополчения силы, действием антипапской пропаганды и даже ростом „национального сознания“ в европейских странах, народы которых якобы не желали признавать интересы папства выше интересов своих „национальных“ государств. Основной причиной упадка крестоносного движения автор, исходя из своей идеалистической концепции, считает рост пропаганды против крестовых походов.

Дело, разумеется, не только в пропаганде, которая не может быть признана решающей причиной упадка крестовых походов. Надежды на прочные захваты на Востоке были потеряны, многочисленные неудачи, а особенно разгром Латинской и восстановление Византийской империи затрудняли привлечение в ряды крестового ополчения рыцарей, потерявших надежду на захваты новых земель и крестьян, видевших в походах лишь излишние тяготы и нередко — неизбежную гибель. Но основной причиной упадка крестовых походов был рост производительных сил в странах Европы, создавший возможность повышения производительности хозяйств и увеличения накоплений, вследствие чего одна из основных побудительных сил крестовых походов — стремление к наживе — значительно ослабела и лишила крестовые походы их прежней заманчивости.

В рецензируемой книге показана картина идеологической борьбы, которая велась между сторонниками дальнейших крестовых походов, вдохновляемых папством, и их противниками; удачно сделан выбор литературного материала, и перед читателем предстают живые люди XIII в., с их идеями и стремлениями.

Тем не менее мы не можем признать правильным основное положение автора об ослаблении крестоносного движения, как результате пропаганды против крестовых походов. За борьбой идей в книге не видно борьбы социально-экономических интересов различных общественных классов и групп. В книге недостаточно представлена борьба течений внутри византийского общества по отношению к крестоносному движению. Решение этих проблем имеет большое значение для изучения сложных взаимоотношений Византии и Запада в эпоху крестовых походов.

Б. Т. Горянов

РН. SCHWEINFURTH. DIE WANDBILDER DER KIRCHE VON VOJANA,

Berlin, 1943

Современное западное искусствознание уделяет большое внимание средневековой, однако изучение средневекового искусства отнюдь не объективно. Ложной интерпретацией художественного наследия, оставленного Западом, Византией, Балканами, Русью, преследуется определенная цель. Многочисленные работы являются своеобразной формой утверждения воинствующей реакционной буржуазной идеологии. Цель оправдывает средства, а потому эти работы отличаются удивительной недобросовестностью. Упорно игнорируются очевидные факты, замалчиваются новые открытия, намеренно искажается подлинное лицо искусства прошлого, и на щит поднимаются наиболее реакционные черты этого искусства, — черты, обладающие якобы вечной, непреходящей ценностью.